HOKKAIDO UNIVERSITY

Title	Издание переводной беллетристики в Советской России 1920-х годов по материалам внутренних издательских рецензий (из архива ленинградского кооперативного издательства ≪Время≫)
Author(s)	Маликова, Мария
Citation	Acta Slavica Iaponica, 32, 23-54
Issue Date	2012
Doc URL	https://hdl.handle.net/2115/51099
Type	departmental bulletin paper
File Information	ASI32_002.pdf

Hokkaido University Collection of Scholarly and Academic Papers : HUSCAP

Acta Slavica Iaponica, Tomus 32, pp. 23–54

Издание переводной беллетристики в Советской России 1920-х годов по материалам внутренних издательских рецензий (из архива ленинградского кооперативного издательства «Время»)[1]

Мария Маликова

Одной из доминантных черт советского культурного поля середины 1920-х гг., расцвета НЭПа, был, как известно, бум изданий переводной беллетристики: «Джек Лондон, О'Генри, Пьер Бенуа, – иронически писал Виктор Шкловский, – сейчас самые читаемые русские писатели».[2] Ленинградское кооперативное издательство «Время» (1922–1934) не осталось в стороне и в 1925–28 гг. выпустило более ста наименований иностранной переводной литературы, по преимуществу новейшей, в числе которых были как ставшие нарицательными в своей пошлости и имевшие огромный успех «женские», с социальным уклоном, романы Оливии Уэдсли и Фанни Херст, так и вполне кондиционные и популярные произведения Синклера Льюиса, Клода Фаррера и Панаита Истрати и книги лучших послевоенных европейских писателей (С. Цвейга, будущих нобелевских лауреатов Л. Пиранделло, Д. Голсуорси, Роже Мартен дю Гара). Материалы архива издательства «Время» (РО ИРЛИ, ф. 42; фонд находится в обработке, поэтому далее мы приводим цитаты из его материалов без ссылок), в котором отложились сотни писем переводчиков и внутренних рецензий на предлагавшиеся к переводу книги, дают возможность дополнить описание этого социо-литературного факта, прояснив позицию и мотивы тех, кто обеспечивал функционирование советской «фабрики переводов» – переводчиков, редакторов, а также, прежде всего, авторов внутренних рецензий, отбиравших книги для издания. Во «Времени» 1925–28 гг. в этой роли выступали главным образом поэт-графоман и посредственный стиховед (Н.Н. Шульговский), филолог с не сложившейся научной карьерой, вынужденный подрабатывать журнальной «поденщиной» – юбилейными статьями и рецензиями (Р.Ф. Куллэ), «бывший дворянин» со средним (военным) образованием, знающий французский язык (В.А. Розеншильд-Паулин). Эти, по жесткому выражению О. Мандельштама, «деклассированные безработные интеллигенты, знающие иностранные

1 Подготовительные материалы по истории издательства «Время» представлены в виде электронной публикации: *Маликова М.Э.* Шум времени: История ленинградского кооперативного издательства «Время» (1922–1934) // http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460

2 *Шкловский В.Б.* Гамбургский счет: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990. С. 192.

языки»,[3] с дореволюционным культурным габитусом трудно и без особого успеха пытались освоить новые условия советского культурного поля и в основном оказались в нем социальными «неудачниками» (вынужденные в 1920-е годы подрабатывать литературной поденщиной – переводами, рецензиями и проч., они в подавляющем большинстве были репрессированы в середине 1930-х или погибли в первую же блокадную зиму), однако именно они в основном обеспечивали функционирование той части советской культуры середины 1920-х, которая была связана с переводом, редактированием и изданием книг.

Обращение к такому «ничтожному» с традиционной – иерархической, ориентированной на литературный канон – точки зрения материалу нуждается в экспликации той исследовательской позиции, с которой этот материал представляется интересным. Наша задача метода – отказаться от историко-литературной оптики, сфокусированной на «больших» литературных фигурах, направлениях, событиях, ради подхода, обращенного к микроуровню отдельных личностей, малых социальных групп, формам индивидуальной и поколенческой самоорганизации в условиях «закрытого» (или, если говорить о НЭПе, «закрывающегося») общества, – этот подход можно назвать социо-антропологическим. Потребность альтернативного подхода к советской истории, который позволил бы избежать использования тотализующего языка «советского» объекта при его научном описании, отчетливо проявилась в исследованиях последних двух десятилетий, посвященных практикам повседневной жизни, явлениям массовой культуры, моде, медиа, текучим и маргинальным социальным идентичностям и аномалиям.[4] Применительно к литературе этот чуждый идее канона подход грозит, возможно, «бескачественностью» объекта и как следствие самого исследования. Однако в случае с издательством

---

3 *Мандельштам О.Э.* Потоки халтуры (1929) // *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений: В 4 тт. / Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. М.: Терра, 1991. Т. 2. С. 425.

4 См. основные написанные в этом ключе работы, посвященные годам НЭПа: Sheila Fitzpatrick, "The Problem of Class Identity in NEP Society," Sheila Fitzpatrick, Alexander Rabinovitch, and Richard Stites, eds., *Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture* (Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1991), pp. 12–33; Eric Naiman, *Sex in Public: The Incarnation of Early Soviet Ideology* (Princeton: Princeton University Press, 1997); *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии. 1920–1930-е годы. СПб.: Журнал «Нева» – Изд.-торг. дом «Летний сад», 1999; Советская власть и медиа: Сборник статей под общ. ред. Ханса Гюнтера и Сабины Хэнсген. СПб.: Академический проект, 2006. Близкий подход лежит в основании историко-социологических заметок М.О. Чудаковой о поколенческой дифференциации советской литературы: *Чудакова М.О.* Избранные работы. Т. 1. Литература советского прошлого. М.: Языки русской культуры, 2001. С. 291–420. См. также нашу статью, в которой предпринята попытка дать альтернативное описание культуры НЭПа в перспективе социо-медицинских мод дня: *Маликова М.Э.* НЭП как опыт социально-биологической гибридизации // Отечественные записки. 2006. № 28 (91). С. 175–192.

«Время» специфика его деятельности и архива, а также критический анализ существующих работ, основанных на материалах этого архива и ориентированных на «большие» литературные фигуры, демонстрирует, как кажется, неадекватность канонического и, напротив, плодотворность антропологического подхода.

Как описывать историю издательства «Время»: «канон» vs «сообщество»

Начиная с конца 1950-х годов из обширного и формально необработанного архива «Времени» извлекаются и публикуются материалы, выбираемые исследователями с точки зрения канона, то есть связанные с крупными литературными фигурами и изданиями – выпущенной «Временем» мемуарной книгой О. Мандельштама «Шум времени» (1925) и одновременным кратким сотрудничеством поэта в издательстве в качестве редактора пары переводов, автора внутренних рецензий, одного предисловия и книги стихов для детей; авторизованными собраниями сочинений Стефана Цвейга (в 12 тт., 1928–1932) и Ромена Роллана (в 20 тт., 1930–1936, издание завершено после закрытия «Времени» ГИХЛом), работа над которыми отражена в отложившейся в архиве обширной переписке издательства с обоими авторами; перепиской 1924–1932 гг. директора «Времени» И.В. Вольфсона с А.М. Горьким, который давал оценки новым книгам издательства, а также написал предисловия к собраниям Цвейга и Роллана; неосуществленным планам 1934 года выпустить русский перевод романа французского писателя – члена МОРП (Международной организации революционных писателей) Андре Мальро «Условия человеческого существования» («La condition humaine», 1933), зафиксированным в небольшой переписке издательства с французским автором.[5]

5 Далее работы, посвященные разным аспектам деятельности издательства «Время», приводятся в хронологическом порядке их публикации: *Балахонов В.Е.* Из неизданных писем Ромена Роллана // Ученые записки ЛГУ. № 184. Серия филологических наук. Вып. 22. Зарубежная литература. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1955. С. 244–247; Горький – Издательство «Время» // Архив А.М. Горького. Т. X. Кн. 1. М. Горький и советская печать. М.: Наука, 1964. С. 22–59; *Шор В.Е.* 1) Из истории советского перевода: (Стефан Цвейг на русском языке) // Тетради переводчика. М., 1968. № 5; 2) «Кола Брюньон» на русском языке // Мастерство перевода. Вып. 7. М., 1970; *Стефан Цвейг*. Письма в издательство «Время» / Публ. К.М. Азадовского // Ежегодник Рукописного Отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л.: Наука, 1977. С. 217–255; *Орохвацкий Ю.И.* Из истории советско-французских литературных связей (Письма А. Мальро в издательство «Время») // Русская литература. 1979. № 1. С. 152–155; *Мандельштам О.Э.* Внутренние рецензии и предисловие для издательства «Время» / Публ., предисл. и прим. К.М. Азадовского и А.Г. Меца // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. С. 7–20. В 2011 году на сайте ИРЛИ РАН в электронном виде были опубликованы материалы исследовательского проекта «Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м

Даже необычайно полный и точный для своего времени обзор истории издательства «Время», написанный опытнейшим историком книги И.А. Шомраковой на основании проработанного ею еще в начале 1960-х гг. архива «Времени», имплицитно ориентирован на каноническую литературную иерархию, в сочетании с советской идеологической шкалой ценностей. В предельно упрощенном виде: чем значительнее (в частности, «прогрессивнее») писатель, с которым сотрудничало издательство, тем более значим этот факт в его истории. С этой точки зрения история издательства выстраивается как «прогрессивное» движение от первых двух-трех лет, когда «Время» «не имело определенной программы и выпускало литературу самого различного характера»[6] (для постсоветской истории литературы доминантой этого периода истории «Времени» стало сотрудничество с ним в 1925 году О. Мандельштама и выход «Шума времени») – к малоценному периоду 1925–28 гг., когда «Время», как и большинство частно-кооперативных издательств, обратилось к переводной современной беллетристике, издания которой, хотя и выходили во «Времени», как признает И.А. Шомракова, в тщательном переводческом, эдиционном и полиграфическом оформлении, содержательно «не отличались большими достоинствами»,[7] – и наконец к наиболее значительному этапу последних лет его существования, когда «Время» сосредоточилось, в области издания переводной литературы, на собраниях сочинений Цвейга и Роллана, а также, с начала 1930-х, «под несомненным влиянием А.М. Горького и А.В. Луначарского», обратилось к изданию «новых произведений прогрессивных писателей, преимущественно немецких и французских» – А. Даудистеля, Ж. Ромэна, Л. Муссинака, Роже Мартен дю Гара, А. Мальро, П. Низана, А. Зегерс, К. Клебера и др., планам выпуска «собраний сочинений крупнейших западных писателей: Стендаля, М. Пруста и А. Жида, заявившего в то время о своих симпатиях к Советскому Союзу», и «библиотеки социально-революционных романов».[8]

С этой точки зрения период 1925–28 гг., когда «Время» определило свою издательскую программу, остававшуюся неизменной до самого конца – переводы художественной иностранной литературы, и, сосредоточившись на издании новейшей европейской переводной беллетристики,

---

годам» (http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460), в частности, корпус материалов, посвященных истории и архиву «Времени» – полная комментированная переписка Стефана Цвейга с издательством «Время», 1925–1934 гг. (Публ., предисл. и комм. М.Ю. Кореневой) и избранные письма во «Время» Р. Роллана (предисл., публ. и комм. П.Р. Заборова), а также наш общий очерк истории издательства: *Маликова.* Шум времени.

6 *Шомракова И.А.* Издательство «Время» (1922–1934 гг.) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 17. М.: Книга, 1968. С. 201.

7 Там же. С. 203.

8 Там же. С. 203, 204.

достигло максимума своей продуктивности в отношении количества наименований и финансового оборота,[9] выпадает из его истории: с точки зрения «больших» имен он пуст, с точки зрения канонической литературной иерархии, выходившие в эти годы во «Времени» новинки зарубежной литературы, «в основном развлекательного характера», не отличались «большими достоинствами».

Единственная возможность «увидеть» эту часть истории издательства обнаруживается, в статье И.А. Шомраковой, в критических, в основном негативных, суждениях Горького из его переписки с директором «Времени» о выпущенных в этот период книгах. При этом влияние крупной фигуры Горького (несмотря на то, что он находился в эти годы в Италии, в полу-эмиграции) воспринимается как очевидное и достаточное объяснение перемены издательской политики «Времени» в области переводной литературы от «развлекательной» в 1925–27 гг. к «прогрессивной» (изданиям Цвейга, Роллана, «библиотеки социальных романов», французских писателей – членов МОРП и немецких антифашистов, собраний сочинений Стендаля, М. Пруста, А. Жида и др.) после 1927 года. Так, в статье И.А. Шомраковой монтаж мнений Горького о книгах, вышедших во «Времени» *до* 1927 года, приводится *после* сообщения о «прогрессивном» повороте издательства с конца 1927 года, так что создается впечатление, будто поворот этот произошел под непосредственным влиянием Горького: «Постепенно, к концу 1927 г. характер издаваемой литературы меняется. По-прежнему издательство выпускает новинки зарубежной литературы, но это уже новые произведения прогрессивных писателей, преимущественно немецких и французских. [далее перечисляются романы, в основном вышедшие во «Времени» в самом конце его существования, в 1933–1934 гг.: Г. Фаллада «Что же дальше?», Б. Келлерман «Девятое ноября», «Люди доброй воли» Ж. Ромэна, «Очертя голову» Л. Муссинака, «Старая Франция» Роже Мартен дю Гара, «Попутчики» А. Зегерс; неосуществленные планы 1932–34 гг. перевести «Волшебную гору» Т. Манна, А. Барбюса, «Ночной полет» Сент-Экзюпери; а также только начатые (вышло по одному тому в 1933–34 гг.) собрания сочинений Стендаля, М. Пруста и А. Жида – *М.М.*] [...] В утверждении этого нового направления, в эволюции, проделанной издательством, большую роль сыграл М. Горький, очень внимательно относившийся к работе «Времени» [далее приводится монтаж критических отзывов Горького на иностранную беллетристику, вышедшую во «Времени» ранее, в 1924–27 гг. – *М.М.*]».[10] И.А. Шомракова конечно отнюдь не делает прямо ложного утверждения, что перечисленных авторов «Время»

9 Там же. С. 202. Другим важным направлением деятельности издательства этих лет была научно-популярная литература – знаменитая и успешная серия «Занимательная наука» (1925–1933) под ред. Я.И. Перельмана, и «Физкультура и спорт» (1925–1928) под ред. Г.А. Дюперрона.

10 Там же. С. 203.

начало издавать в 1933–34 гг. под непосредственным влиянием Горького (с 1929 года переписка «Времени» с Горьким становится односторонней, а в 1932 г. прекращается, ни один из названных иностранных писателей (кроме один раз дю Гара в негативном контексте) в ней не упоминается), но в рамках канонической истории литературы влияние крупной фигуры воспринимается как наиболее вероятное и самоочевидное основание движения культурных процессов, что приводит к навязыванию им внешней, не существовавшей в реальности причинно-следственной связи. Под влиянием этой историко-литературной логики изложение истории издания «Временем» переводной литературы в краткой энциклопедической справке об издательстве, составленной полностью на основании очерка И.А. Шомраковой, выстраивается так, что из него полностью выпадает вся современная переводная беллетристика, выходившая во «Времени» в 1925–28 гг., а предполагаемое И.А. Шомраковой косвенное влияние Горького на перемену издательской политики «Времени» описывается как непосредственное, что приводит к прямо ложной картине: «[...] с 1925 г. основное место в плане издательства заняла иностранная художественная литература, а также научно-популярная книга. По рекомендации М. Горького “Время” приступило к выпуску произведений современных зарубежных писателей – А. Зегерс, А. Барбюса, Р.М. дю Гара, Г. Фаллады и др.».[11]

Эволюцию издательской политики «Времени» не удается адекватно описать с традиционной иерархической, канонической точки зрения, ориентированной на крупные фигуры, во многом потому, что у «Времени» не было собственной в узком смысле культурной идеологии – в отличие, например, от таких привлекавших внимание историков литературы

11 *Баренбаум И.Е., Костылева Н.А.* Книжный Петроград – Ленинград. Л.: Лениздат, 1986. С. 341. Впрочем, сами по себе суждения Горького об изданиях «Времени» 1925–28 гг. и его советы интересны как пример канонического понимания литературы – основанного на аисторизме и анахронизме оценок, мышлении аналогиями (а не различиями) и сравнениями с уже известным, «старым»: критика Горьким изданных «Временем» иностранных книжных новинок основана исключительно на сравнениях со старыми книгами («Радигэ; юноша писал незначительный роман свой с явным намерением заслужить похвалу Анри де Ренье и со страхом пред Ан<атолем> Франсом. [...] Эрнст Цан – очень плохой Гауптман и – старый Гауптман»; Горький – Издательство «Время». С. 31, 35); (пере)издавать Горький советует также только «старое», самому ему известное по дореволюционным переводам (Бульвер-Литтона, Диккенса, Э. Сю, Гюго, В. Скотта, Флобера, Золя, Доде и прежде всего А. Дюма; Там же. С. 32, 40, 43); дает советы, признавая при этом, что современного «всеядного» русского читателя видит «неясно» и плохо представляет себе степень его «малограмотности» (Там же. С. 32, 31), и не учитывая списка запретных тем советской цензуры (все поступившие во «Время» по совету Горького книги оказались неприемлемыми по цензурным, главным образом религиозным, причинам, см.: Там же. С. 35–36; письмо «Времени» Горькому, 8.01.1927 // Архив Горького в ИМЛИ. КГ-Изд. 6–6–14; переписка «Времени» с А. Реувени 1927 года // РО ИРЛИ, ф. 42).

издательств 1920-х гг., как «Алконост» С.М. Алянского, полностью ориентированный знаковой фигурой А. Блока и в целом культурной традицией символизма,[12] «Academia» ленинградского периода, опиравшаяся на интеллектуальные ресурсы и культурную программу университета и ГИИИ,[13] «Никитинские субботники», созданные личными амбициями и возможностями Е.Ф. Никитиной как хозяйки литературного салона,[14] «Круг» А.К. Воронского, осуществлявший государственную политику в отношении «попутчиков»,[15] и проч. «Время» же было создано не литераторами, а организаторами издательского дела, никакой культурной группой не ангажированными, начавшими работу в идейном и финансовом отношении совершенно независимо и самостоятельно, с нуля (в отличие, например, от модуса существования в 1920-е гг. таких издательств, как фирмы П.П. Сойкина, М. и С. Сабашниковых, «Брокгауз-Ефрон», имевших дореволюционную предысторию, программу, репутацию, а также запас изданий, рукописей, бумаги, круг сотрудников).[16] Для создателей

12 См.: *Таран Е.* Вокруг «Алконоста». М.: Аграф, 2011.

13 См.: Как работало издательство «Academia» и как в нем работалось. Воспоминания сотрудников и художников / публ., пред. М.В. Раца, комм. Д.В. Фомина // Книга: Исследования и материалы. Сб. 88/I. М.: Наука, 2008. С. 200–230; *Дацюк И.В., Сидоров И.Н.* Петроградские страницы истории издательства «Academia» // Вече: Альманах русской философии и культуры. СПб., 2003. Вып. 14. С. 210–225; *Крылов В.В., Кичатова Е.В.* Издательство «Academia»: Люди и книги. 1921–1938–1991. М.: Academia, 2004. С. 11–55.

14 См.: *Фельдман Д.М.* Салон-предприятие: писательское объединение и кооперативное издательство «Никитинские субботники» в контексте литературного процесса 1920–1930-х гг. М.: РГГУ, 1998.

15 См.: *Поливанов К.М.* К истории «артели» писателей «Круг» // De visu. 1993. № 10 (11).

16 У основания «Времени» стояли четыре человека, из которых двое основных были прежде всего опытными организаторами издательского дела: инициатор создания «Времени», директор и основной пайщик Илья Владимирович Вольфсон (1882–1950), в 1911–12 гг. издавал в Петербурге адресную и справочную книгу «Газетный мир», незадолго до Октябрьской революции работал в редакции газеты «Речь», с 1919 по 1922 г. заведовал петроградским отделением издательства З. И. Гржебина; главный редактор Георгий Петрович Блок (1888–1962) начал чиновничью карьеру (и к 1914 году дослужился до чина камер-юнкера) секретарем канцелярии в Правительствующем Сенате и помощником редактора «Сенатских ведомостей», с 1918 г. работал в системе Академии наук заведующим научно-издательским отделом КЕПС (Комиссии по изучению естественных производительных сил России), в 1920–22 гг. был председателем Комитета по делам типографии Академии наук, служил, вместе с И.В. Вольфсоном, в петроградском отделении издательства Гржебина. Кроме того, в число первых пайщиков «Времени» входили москвич Александр Иванович Ефремов, заведовавший ранее мощнейшим книжным контрагентством Суворина, привлеченный для организации распространения продукции издательства в Петербурге, Москве и провинции (впоследствии он в документах издательства не упоминается), и знаменитый ученый-геохимик и минералог академик Александр Евгеньевич Ферсман (1883–1945), пришедший в издательство с редактировавшейся им естественно-научной серией (эти популярные брошюры видных отечественных

«Времени», в противоположность издательствам-«салонам», связанным с крупными литературными фигурами, направлениями, интересами, тот или иной издаваемый автор или книга были не самоцелью, а средством, тактическим ходом, предпринимавшимся ради продления существования издательства. Единственной устойчивой доминантой культурной программы «Времени» всех двенадцати лет его существования было высокое издательское качество книги (переводческое, эдиционное, полиграфическое), корректность и честность в ведении дел. Эта специфика деятельности «Времени» отражена в его обширном архиве, где с равной полнотой сохранены переписка с известными европейскими авторами Ролланом, Цвейгом, Жидом, Мальро и др., а также Горьким, сотни внутренних рецензий на предлагавшиеся к переводу книги, в основном рядовую беллетристику, и текущая деловая переписка, отражающая разные стороны организации издательского процесса. Столь необычно для частно-кооперативного издательства долгая история, так подробно документированная в материалах архива, и при этом лишенная определенной культурной повестки, что позволяло «Времени», сохраняя доминантную установку на высокое издательское качестве книги, гибко реагировать на менявшиеся внешние условия, дает ценный материал для дифференцированного описания советского культурного поля 1920-х – начала 1930-х, прежде всего в области издания переводной литературы.

Специфика деятельности и архива издательства «Время», как представляется, должна определять и метод исследования, а именно отказ от навязывания этому гетерогенному объекту внешней, канонической иерархии и перестройку исследовательской оптики таким образом, чтобы увидеть и понять все те «мелочи», о которых говорит архив. Микроуровень истории культуры, на который позволяет перейти архив – это прежде всего история отдельных людей и неформализованных сообществ в их процессуальном взаимодействии со временем. Иными словами, если рассматривать издательство не как совокупность наиболее крупных изданий и связанных с ними авторов, а как сообщество людей определенного социального и культурного габитуса, поколения, личной судьбы, обеспечивавших функционирование издательского института, то наиболее интересным для описания результатом деятельности этого сообщества окажется – если воспользоваться тем определением, которое Ханна Арендт находит для действия как единицы истории, понимаемой в политико-антропологическом ключе – не «осуществление преднамеченных планов и целей», а производство личных историй (stories) его деятелей.[17] Именно совокупность этих социо-антропологически ориентированных

ученых были собраны им, вероятно, еще для Издательства Гржебина) и участия в остальной части жизни издательства не принимавший.

17 *Арендт Ханна*. Vita activa, или О деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В. Бибихина СПб.: Алетейя, 2000. С. 228–264 (глава «Действие»).

процессуальных личных «историй», соотносимых с релевантным для них контекстом, как представляется, может дать семиотически насыщенную, то есть дифференцированную и понятную, картину советской культуры. Естественно, что ценностная ориентация в таком рассказе должна исходить не из историко-литературной или идеологической доксы, а из задачи более семиотически насыщенного описания и соответственно лучшего понимания конкретного культурного объекта.

Для описания истории «Времени» 1925–28 гг., небесполезного вообще для понимания истории бытования переводной литературы в советской России периода НЭПа, архив издательства предлагает не только письма Горького, но и сотни внутренних рецензий и писем переводчиков, совершенно не привлекавшие до сих пор внимания исследователей, которые дают возможность увидеть этот ускользавший от традиционного историко-литературного зрения объект в подробностях и прежде всего как процесс взаимодействия писавших эти внутренние отзывы людей с дореволюционным габитусом и определенным им вкусом, и новых, постоянно менявшихся обстоятельств советского культурного поля. Однако прежде чем перейти к анализу этого антропологического объекта, необходимо дать очерк контекста – функционирования института переводной литературы в нэповской России.

Как работала нэповская «фабрика переводов»

Социальные и экономические основания популярности в годы НЭПа переводной беллетристики достаточно очевидны и известны: приключенческие, детективные и романтические сюжеты с экзотическим («буржуазным» или ориентальным) и социальным (чаще социально-утопическим) элементом отвечали вкусу массового читателя, который, несмотря на произошедший в стране революционный переворот – как и предсказывал К.И. Чуковский в известных статьях 1910-х гг., говоря о перспективах новой литературы, если «настоящий, всамделишный пролетарий», отрываясь от «скучного, нездорового труда, от водки и насекомых», сидит и «взасос читает Пинкертона и А. Вербицкую»[18] – в сущности мало чем отличался от широкой публики предреволюционного десятилетия,[19] и даже, более того, именно после перенесенных потрясений бежал травматичных отечественных сюжетов из недавнего прошлого и вообще всякой серьезной литературы и искал в книге прежде всего развлечения и

18 *Чуковский К.* Вербицкая // К. Чуковский. Книга о современных писателях. СПб.: Шиповник, 1914. С. 18.

19 Устойчивость и однообразие вкуса массового читателя подтверждаются и тем, что в начале 1990-х, в период нового расцвета коммерческого книгоиздания, пост-советские издательства массово переиздавали выпущенную при НЭПе, в том числе «Временем», переводную беллетристику.

прикладной пользы.[20] Социологические и библиографические обзоры, в те годы довольно многочисленные и объективно исследовавшие новое культурное поле, а также издательская практика подтверждали «в области беллетристики [...] несомненное преобладание, если не по числу фамилий авторов, то по частоте изданий европейской литературы», чаще других и в больших количествах издавали Джека Лондон, Эптона Синклера и О'Генри, а также Г. Уэллса, В. Маргерита, П. Бенуа, У. Берроуза, Г. Честертона и П. Ампа.[21]

Переводная беллетристика, пользовавшаяся большим читательским спросом, была коммерчески наиболее выгодной для издателя еще и потому, что в советской России, не подписавшей международную Бернскую конвенцию по авторскому праву, издание иностранной книги не предполагало выплаты гонорара ее автору, а перевод мог быть сколь угодно сокращенным и адаптированным. Кроме того, и сами переводы производились дешевым трудом армии переводчиков, вербовавшихся из «растерянной», по выражению О. Мандельштама, социальной среды «деклассированных безработных интеллигентов, знающих иностранные языки»,[22] а также бедствовавших русских эмигрантов. Вполне естественно, что во множестве возникшие в годы НЭПа частно-кооперативные издательства, а также государственные, перешедшие на хозрасчет, активно удовлетворяли читательский спрос на переводную литературу, выпуская сотни отдельных наименований, «собрания сочинений», произвольно скомпонованные из произведений наиболее популярных авторов, разнообразные «библиотеки» и «серии» «современной иностранной литературы», «новинок иностранной литературы» и проч.

Прежде всего, издательству необходимо было раньше других узнать о вышедшей за границей интересной книжной новинке и получить ее[23] – благодаря связям главного редактора «Времени» Г.П. Блока, с конца 1924 г. в этой области издательство полагалось на помощь Д.А. Лутохина (1885–1942), известного издателя и публициста, высланного из Петрогра-

---

20 См.: *Левидов М.* Простые истины: О писателе, о читателе. М.-Л.: Издание автора, 1927.

21 *Шамурин Е.И.* Общие контуры книжной продукции 1924 года (Библиографический обзор) // Книга в 1924 году в СССР / Под ред. Н.Ф. Яницкого. Л.: Сеятель, [1925]. С. 124.

22 *Мандельштам.* Потоки халтуры. С.425.

23 После 1924 года, когда закрылся журнал «Современный Запад» (1922–23), выходивший под эгидой «Всемирной литературы» и выполнявший функцию ознакомления советских читателей с современными тенденциями европейской культуры, а журнал «Вестник иностранной литературы» (1928–30) еще не появился (см.: Katerina Clark, "The Role of Translation in the Formation of National Culture: The Case of the Stalinist 1930s," *Kultur und/als Übersetzung: Russisch-deutsche Beziehungen im 20. und 21. Jahrhundert* (Frank & Timme, 2011), pp. 121–141), в советской России не было надежного и постоянного источника сведений о новейшей иностранной литературе.

да в начале 1924 года. В эмиграции (сначала в Париже, потом в Праге) он настойчиво определял себя не как эмигранта, а как насильно высланного («Морально я чувствую себя среди эмигрантов Робинзоном»[24]) и искал контактов с советской Россией; в частности, он поставлял «Времени» европейские книжные новинки.[25] Так, благодаря Лутохину, «Время» первым из советских издательств начало издавать Панаита Истрати, писавшего по-французски румынского писателя – «балканского Горького», вскоре ставшего необычайно популярным в советской России, чьи сочинения давали тот компромисс между вкусом «интеллигентного» и «массового» читателя, которого искало в эти годы «Время»: «Для интеллигентного читателя она (книга Истрати – *М.М.*) дает много психологии и быта, а для массового может стать привлекательной своей фабулой, заменив для него "Антона Кречета" и т.п., по каковым произведениям сейчас простой русский читатель прямо томится» (внутренний отзыв Н. Шульговского от 13.08.1925 на книгу Истрати «Presentation des Haidoucs», 1925).

Значительная часть предложений о переводе шла непосредственно от переводчиков: «... переводчиков целые стада, – юмористически утрируя, писал в 1925 году К.И. Чуковский. – Каждый из них отлично наладил получение иностранных книг из-за границы. У каждого есть в Берлине кузина или бывшая жена. Раздобыв книжку, переводчик бежит со всех ног к издателю: в "Мысль", в "Ленинград" (имеется в виду конечно издательство "Петроград" – *М.М.*), во "Время" – и расхваливает свой товар. Если товар обещает 100 % прибыли, издатели соблазняются, заказывают перевод, и переводчик с маху переводит всю книгу в 5 или 6 ночей. Нравы разбойничьи. Конкуренция бешеная».[26] Получив тем или иным частным путем из-за границы книгу, переводчик посылал ее краткую аннотацию и оригинал в издательство – это по умолчанию предполагало, что, в случае принятия книги к изданию, ее перевод будет поручен приславшему книгу лицу, практически независимо от его профессиональной

24 Письмо Д.А. Лутохина В.А. Алферову, 24.09.1924 г. // РО ИРЛИ, ф. 592 (Лутохин Д.А.). № 49, л. 1.

25 В архиве «Времени» за период с ноября 1924 до декабря 1925 г. сохранилось полтора десятка написанных неразборчивым почерком на тонкой, почти папиросной бумаге, неподписанных и чаще недатированных писем и записок, сопровождавших, судя по их содержанию, присылаемые европейские книжные новинки – обычно восторженные их характеристики с сообщением сведений о европейской рецепции книги и полученных ею премиях, а также стоимости покупки и пересылки книги во франках; подпись на одной из них (отзыв о книге L. Hemm «Battling Malor[?]», датированный 3 декабря 1925 г.), начинающаяся с «Лут...», и сличение почерка с дневниками Д.А. Лутохина за эти годы (РО ИРЛИ, ф. 592, № 3) позволили определить их авторство.

26 Письмо К.И. Чуковского Р.Н. Ломоносовой, 29 августа 1925 г. // «Ах, у каждого человека должна быть своя Ломоносова...»: Избранные письма К.И. Чуковского к Р.Н. Ломоносовой. 1925–1926 гг. / Публикация Ричарда Дэвиса. Предисл. Елены Чуковской и Ричарда Дэвиса // In Memoriam: Исторический сборник памяти А.И. Добкина. СПб.- Париж: Феникс-Atheneum, 2000. С. 309.

квалификации: «[...] переводчики сами предлагают нам книги, которые издательство просматривает и в случае признания их подходящими для печати, поручает лицам представившим книги и переводить их» (письмо «Времени» одесской переводчице М.В. Горник, 13.07.1928), что заведомо приводило к крайне низкому среднему качеству языка советской переводной литературы – или, точнее, его бескачественности. По резкой формулировке О. Мандельштама, «дряблость, ничтожество и растерянность той социальной среды, из которой у нас часто вербуются переводчики [...] кладет печать неизгладимой пошлости на все их рукоделье».[27] Впрочем, в издательстве «Время» переводы, поступившие от непрофессиональных переводчиков, редактировались такими видными отечественными мастерами перевода, филологами и литераторами, как М.Л. Лозинский, А.А. Смирнов, Г.П. Федотов, В.А. Зоргенфрей и др., что обеспечивало их принципиально более высокое качество, чем, например, в упомянутой в письме К.И. Чуковского петроградской «Мысли», где, по воспоминаниям Н.К. Чуковского, весь огромный объем редактуры выполняли два штатных редактора, которые на самом деле даже не читали представленных переводчиками рукописей, а лишь сокращали, следуя каким-то коммерческим расчетам хозяина, объем всех переводных книг до 12 листов.[28]

Если, судя по аннотации переводчика, книга казалась в общем приемлемой, издательство – прежде чем переводить ее и подавать на визу Главлита – спешило записать ее на себя в Бюро регистрации, дабы избежать ее выхода в другом издательстве (в условиях отсутствия на территории советской России Бернской конвенции по авторскому праву выход одного и того же произведения иностранного автора одновременно в нескольких русских переводах в разных издательствах был в начале 1920-х обычным делом). Участие в соглашении о предварительной регистрации книг было добровольным способом самоорганизации издательств, в основном частно-кооперативных – государственные издательства, в том числе такие крупные поставщики переводной литературы, как Госиздат и «Прибой», в него не входили; более того, если тот или иной иностранный автор стоял в плане государственного издательства, частно-кооперативному Главлит его издавать запрещал.[29] А с 1928 г. Главлит стал требовать

27 *Мандельштам.* Потоки халтуры. С. 425.

28 *Чуковский Н.К.* Литературные воспоминания. М.: Советский писатель, 1989. С. 589–590.

29 Этот механизм «Время» подробно разъяснило киевской переводчице Р.Г. Быховской, буквально заваливавшей его предложениями: «Если книга зарегистрирована каким либо издательством, то никакое другое издательство, добровольно принимающее участие в соглашении о регистрации, не имеет права издавать выпущенную другим издательством книгу. Иначе не нужно было бы и соглашение. [...] Книга может быть зарегистрирована лишь по представлении в регистрационное бюро всей книги, либо, номера журнала, в котором начался печатаньем тот или иной роман, предлагаемый к изданию» (письмо от 26.04. 1927), «[...] ни Госиздат, ни “Прибой” вы-

от частно-кооперативных издательств представлять для утверждения полный и окончательный редакционный план на год вперед, лишив их таким образом возможности издавать свежие иностранные новинки (что прежде всего – а вовсе не «прогрессивный» идейный поворот – вынудило «Время» сосредоточиться на долгосрочном и основанном на прямом и эксклюзивном контакте с автором, предполагавшим, в частности, получение от него новых произведений для перевода еще в рукописи, выпуске собраний сочинений Цвейга и Роллана).

Переориентация издательства «Время» с 1925 года на выпуск переводной беллетристики была мотивирована как внешними обстоятельствами – успехом этого рода литературы у массового читателя, относительной дешевизной ее производства, начатой Главлитом политикой типизации, ограничившей репертуар книг, разрешенных конкретному издательству (при типизации 1925 г. «Времени» были оставлены переводная иностранная литература и негуманитарные научно-популярные серии «Занимательная наука» и «Физкультура и спорт»), так и внутренними: главный редактор «Времени» Г.П. Блок, единолично определявший его литературную издательскую политику, был в феврале 1925 года арестован и до осени 1928 года находился в ссылке. Вероятно по этой причине инстанция принятия решений об издании книг была раздроблена: для заведования редакцией на время отсутствия Г.П. Блока был приглашен бывший совладелец издательства «Атеней», как раз в 1925 году закрытого, тургеневед и переводчик Л.С. Утевский; возникли две существовавшие относительно автономно научно-популярные серии, «Занимательная наука» Я.И. Перельмана и «Физкультура и спорт» Г.А. Дюперрона, каждый из которых имел свой профессиональный круг авторов. Кроме того, для принятия решения о приемлемости предлагавшихся к переводу иностранных книг был создан институт рецензентов, писавших внутренние отзывы: «Отзывы стоят очень больших денег и давать книгу для отзыва "на всякий случай" мы не можем. Нам важно знать в частности для какого круга читателей предназначена та или иная книга и какова идеология данной книги» (письмо «Времени» переводчице Е.Р. Быховской, 22.06.1927). За конец 1924 – весь 1925 год во «Времени» было написано около 150 внутренних рецензий на иностранные книги, из которых увидело свет около 20 (приблизительно такое соотношение сохранялось на протяжении всего этого периода истории издательства), что свидетельствует о вообще не характерной для массового книгоиздания 1920-х установке «Времени» на тщательный и индивидуальный характер отбора книг.

пускающие беллетристику в большом количестве в регистрацию не входят, поэтому мы не знаем, что из книг Гэлсуорси у них в работе» (письмо от 6.06.1927), «В виду того, что собрание сочинений Гэлсуорси издается Государственным Издательством, Гублит не разрешает нам издавать Гэлсуорси, ни собрание сочинений, ни каких бы то ни было книг этого автора» (письмо от 26.07.1927).

Однако кто были внутренние рецензенты, принимавшие решение о приемлемости книг? Можно ли было в 1920-е гг. найти людей, знающих иностранные языки, то есть способных прочитать книгу в оригинале, достаточно культурно осведомленных, чтобы оценить ее литературное качество, при этом хорошо понимающих условия нового, советского культурного поля, чтобы точно предсказать перспективы перевода у нового читателя и проходимость в цензуре, понять, «для какого круга читателей предназначена та или иная книга и какова идеология данной книги», и при этом не слишком удачно социально устроенных, чтобы согласиться на сдельный заработок рецензированием книг?

Кто писал внутренние рецензии для издательства «Время»

По первым шагам «Времени» в области издания переводной беллетристики хорошо видно, как его сотрудники, в основном люди 1880–90-х гг. рождения, культурно сформировавшиеся в 1910-е и выпавшие за пять лет революции, гражданской войны и военного коммунизма из текущей европейской литературы, на ощупь искали иностранные новинки, подходящие для также далеко им не ясного советского книжного рынка. Выбор первых переводных книг, вышедших в 1924 году, – колониальных романов популярных в России в 1910-е Клода Фаррера («Тома-Ягненок-Корсар», пер. под ред. М.Л. Лозинского) и братьев Жерома и Жака Таро («В будущем году в Иерусалиме!», пер. И.Б. Мандельштама) – был вероятно связан с культурным происхождением сотрудников «Времени» (Фаррер был лауреатом Гонкуровской премии 1905 года, братья Таро – 1906 г.), и одновременно мотивировался советской модой 1920-х на колониальный, прежде всего ориентальный, экзотический роман с социальным элементом, возникшей под влиянием западного бума колониального романа, начавшегося с присуждения в 1921 году Гонкуровской премии «Батуале» негра Рене Марана (уже в 1922 г. выпущенной «Всемирной литературой» по-русски). Выбор третьего, более свежего переводного романа, вышедшего во «Времени» в 1924 году (перевод с англ. под ред. В.А. Зоргенфрея) – «Когда наступит зима» английского писателя Артура Хэтчинсона (A.S.M. Hutchinson «If Winter Comes», 1922) отражал, вероятно, популярность у советского читателя характерно послевоенной трактовки темы любви и брака и в целом пропущенной отечественной литературой темы «потерянного поколения» в европейской литературе, а также – что более важно для понимания выбора «Временем» книги Хэтчинсона (русский перевод которой имел успех и был выпущен в 1926 году вторым изданием) – этот роман, по оценке Р.Ф. Куллэ, принадлежал к «средней литературной продукции», наиболее популярной у массового читателя.[30]

30 *Куллэ Р.Ф.* Этюды о современной западно-европейской и американской литературе. М.-Л.: ГИЗ, 1930. С. 126–128.

Начиная с 1925 о мотивах выбора «Временем» того или иного иностранного произведения можно судить более точно, по сохранившимся в архиве внутренним рецензиям. Из 150 рецензий за конец 1924–1925 г. 120 написаны Николаем Николаевичем Шульговским (1880–1933). По верной, хотя и жесткой характеристике М.Ю. Эдельштейна, автора единственной пока существенной статьи о Шульговском (в которой впрочем не учтено сотрудничество ее героя со «Временем»), «его письма и автобиографические документы рисуют вполне цельный и законченный психологический тип графомана, начисто лишенного представления о своем реальном месте в литературном процессе».[31] Действительно, трудно представить себе менее подходящего человека для оценки советских издательских перспектив переводной книги.

Н.Н. Шульговский родился в Петербурге в дворянской семье, окончил с золотой медалью курс гимназии и юридический факультет Санкт-Петербургского Университета с дипломом первой степени и с оставлением по кафедре философии права и государственного права, одновременно прошел курс историко-филологического факультета, в 1904–1905 гг. слушал лекции в Гейдельбергском и Мюнхенском университетах, получил также музыкальное образование (учился у известного педагога и композитора А.К. Лядова). Будучи сторонником теории психологии права Л.И. Петражицкого (в кружке которого он активно занимался в университете), основанной на вере в постепенный прогресс правового чувства, неуклонно движущегося к конечному идеалу «совершенного господства действенной любви в человечестве», который позволит обойтись без правового принуждения,[32] Шульговский, несмотря на успешно складывавшуюся в университете карьеру юриста-теоретика, испытывал отвращение к «юридической оценке» жизни[33] и желал посвятить себя литературе. С 1907 года он публикуется как прозаик, поэт и критик, однако, несмотря на все усилия внедриться в актуальную литературную среду и выход в свет его солидно изданных поэтических сборников «Лучи и грезы» (СПб., 1912) и «Хрустальный отшельник» (1917), а также центрального стиховедческого труда – «Теория и практика поэтического творчества. Технические начала стихосложения. Ч. 1» (1914), Шульговский быстро приобретает маргинальный статус графомана.[34]

31 *Эйдельштейн М.Ю.* «Мастодонт поэзии не кто иной, как Вяч. Иванов»: два письма Н.Н. Шульговского к В.В. Розанову // От Кибирова до Пушкина: Сборник в честь 60-летия Н.А. Богомолова / Сост. А. Лавров и О. Лекманов. М.: НЛО, 2011. С. 702.

32 Кружок философии права профессора Л.И. Петражицкого при Санкт-Петербургском Университете за 10 лет существования. Исторический очерк в связи с кратким изложением основных идей учения Петражицкого. Составил Н.Н. Шульговский. СПб.: Издание книжного склада «Право». С. 14.

33 Письмо Н.Н. Шульговского В.В. Розанову, 13 апреля 1912 г. // РГАЛИ, ф. 419, оп. 1, Ед. хр. 711, л. 32об., цит. по: *Эйдельштейн.* «Мастодонт поэзии не кто иной». С. 713, прим. 11.

34 Об этой патологической стороне натуры Шульговского свидетельствуют как его письма В.В. Розанову 1912 года, опубликованные М.Ю. Эйдельштейном, так и переписка 1915–1919 гг. с издателем «Ежемесячного журнала литературы, науки и обще-

После революции Шульговский – «трогательная, несколько тупая тетка», по дневниковому определению М. Кузмина (слово «тетка» у Кузмина принадлежит к гомоэротическому сленгу),[35] пацифист, вегетарианец, противник смертной казни и адепт гомеопатии, искренне веривший, что происходит «мирно-эмоциональное приспособление человека» в отношении к свободе и признанию права на жизнь всех людей и животных,[36] оказался в отчаянном положении – в совершенном одиночестве, без средств к существованию, вне литературной среды и окончательно без надежды на опубликование своих произведений (которые он, с графоманской страстью, не переставал писать и в начале 1920-х). В 1919 г., прослышав, что В.С. Миролюбов открыл новое издательское предприятие, уже крайне нуждающийся Шульговский посылает ему длинное, полное жалоб письмо (в 1918 году умерли тетя Шульговского, единственный близкий ему человек, с которой он прожил до 38-летнего возраста, и его «незабвенная собачуленька») и просит денег вперед, восхваляя свои произведения, читанные им «на рауте у баронессы [действие происходит в 1919 году! – *М.М.*] [...]. Стихи произвели потрясающее впечатление и были признаны гениальными».[37]

Начавшееся в 1924 году сотрудничество Шульговского со «Временем» в качестве автора внутренних рецензий, переводчика и редактора было для него в социальном и финансовом отношении несомненно спасением. Однако трудно себе представить менее подходящего человека для беспристрастной оценки чужих книг, актуальности их тематики, пригодности для современного массового читателя и цензурности. Шульговский – человек с болезненно уязвленным самолюбием, утративший в начале 1920-х даже ту маргинальную профессиональную реализацию, которая у него была в десятые годы, враждебный современности и озлобленно не желающий ее понимать. Эти черты его личности во многом определяли его книжные рекомендации: он то отказывается от книг, которые рекомендовал бы в «нормальное», «мирное» время, «при нормальных условиях нашего книжного рынка»,[38] то советует

ственной жизни» В.С. Миролюбовым (РО ИРЛИ, ф. 185 (В.С. Миролюбов), оп. 1, № 1281).

35 *Кузмин М.А.* Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. Н.А. Богомолова и С.В. Шумихина. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. С. 287.

36 *Шульговский Н.Н.* Идеал человеческого поведения с психологической точки зрения. Правнополитическое исследование. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1907. С. 69, 64.

37 Письмо Н.Н. Шульговского В.С. Миролюбову, 15.05.1919 г. // РО ИРЛИ, ф. 185 (архив В.С. Миролюбова), оп. 1, № 1281, л. 30.

38 Так, неизданные части французского дневника Марии Башкирцевой стоило бы, по мнению Шульговского, выпустить как важное культурное свидетельство – «Но разве наш современный широкий читатель интересуется "выяснением личности"? Да какое ему до этого дело? Ему нужно прежде всего интересное чтение, сюжет, а никак не интерес психологического анализа» (рец. от 7.02.1926 на: Marie Bashkirtseff, *Confessions* (Paris, 1925)).

издавать сочинения, смысл которых лишь в том, что они питают его ностальгию.[39]

Центральной тактической задаче издательства – найти книги, отвечающие вкусу как массового, так и интеллигентного читателя, явно противоречило определявшее рецензии Шульговского резкое противопоставление «интеллигентного», «культурного» читателя, воплощенного, как ему кажется, в нем самом, читателю «массовому» – недифференцированному и достойному исключительно презрения. Судя по тому, как регулярно Шульговский вербализует это противопоставление, строя на нем почти все свои рецензии, оно играло важную роль в его сознании и, вероятно, составляло одну из основ его личного самоутверждения, компенсировавшую положение социального неудачника, и восходило еще к его дореволюционным идеям психологии права: «Если мы сравним психологию человека некультурного, с одной стороны, и истинно интеллигентного, с другой, то мы заметим, что человек с культурным уровнем развития гораздо легче удерживается от ненавистнических действий, чем человек неразвитой».[40] Исходя из этого представления, Шульговский отсоветовал «Времени» переводить симпатичную юмористическую прозу английского писателя Ф. Анстея (Гутри Томас Анстей, 1856–1934), которого благополучно издавали как в 1900–1910-е гг., в том числе в Дешевой юмористической библиотеке «Сатирикона», так и в 1920-е, также в различных сериях «библиотеки сатиры и юмора», не без самодовольства сокрушаясь, что «к сожалению этот юмор совершенно недоступен современной нашей широкой публике. Его могут понять у нас разве только те, кто получал "ученый паек", да и то с отбором. А между тем вообще книжка должна была бы быть доступной всякому интеллигентному читателю и раньше имела бы у нас большой успех» (рец. от 1.04.1926), и рассказы популярного французского литератора Александра Арну (Alexandre Arnoux, 1884–1973), с успехом выпущенные массовой «Библиотекой "Огонька"» в 1925 г., – потому, что «оценить у нас эти рассказы способен лишь тонкий и к тому же утонченный слой чистой интеллигенции. [...] Широкий и демократический читатель прежде всего ровно ничего не поймет в этой книге» (рец. от 27.06.1926).

---

39 Книгу французского политического деятеля и литератора Эдуарда Эррио «Мадам Рекамье и ее друзья» стоило, по мнению Н. Шульговского, перевести (издательство совету рецензента не последовало) ради тех читателей, «кому много говорят и кому дороги те имена, носители которых выведены в этой книге [...]. От чтения этой книги интеллигентный читатель почувствует, во-первых, отдых, даже больше – какую-то освежающую струю, но, с другой стороны ощутит и зависть к тому, что, несмотря не все удары судьбы, преследования, изгнания, политические перевороты и т.д., люди имели возможность жить культурной, свободной и творческой жизнью...» (рец. от 14.10.1924).

40 *Шульговский*. Идеал человеческого поведения. С. 78.

При этом сам Шульговский, хоть и считал себя «интеллигентным» читателем, имел искреннюю склонность к бульварной литературе и умел оценить роман, который «написан хорошо» как «экзотическая Вампука» (рец. от 23.03.1927 на: Pierre Chanlaine «L'Albanaise et sa haine». Paris, 1927), или «немного вампукистое, но вполне приемлемое произведение [...] роман испанистый, но не макулатурный» (рец. от 28.08.1927 на: Mañuel Acosta y Lera «Les Amants de Greñade». Tr. de l'espagnol. Paris, 1927; оба романа во «Времени» не вышли), особенно с эротическим элементом.

Шульговский был плохо осведомлен в современной европейской литературе и прибегал к неточным литературным аналогиям. Так, оценивая роман «Папаша Педри» («Le père Perdrix», 1902) рано умершего французского писателя Шарля Луи-Филиппа (1874–1909), Шульговский, пользовавшийся переизданием 1922 года, отнес его к «манере новой французской школы» как «реакции против школы символистов», при этом отсоветовав переводить книгу на том основании, что «если он (русский читатель – *М.М.*) не понял красоту романа "Le fils Chèbre" (имеется в виду роман Жоржа Иманна 1924 года переведенный самим Шульговским под бульварным заглавием «В охотничьем домике (Идиллия миллионера)». Л.: А.Ф. Маркс, 1924 – *М.М.*), то об успехе "Le père Padrix" не может быть и речи» (рец. от 9.11.1924; роман был выпущен в 1925 г. ГИЗом и «Недрами»; в начале 1930-х «Время» готовило собрание сочинений Луи-Филиппа). Рецензируя роман Жана Кокто «Самозванец Тома» («Thomas l'imposteur», 1923), Шульговский, незнакомый с фигурой автора (хотя уже были опубликованы ознакомительные статьи А. Эфроса «Три силуэта» (Современный Запад. 1923. № 4) и М. Эйхенгольца «Современная французская поэзия (Печать и революция. 1924. № 4)), решил, что «говорить о какой-либо особой художественности этого произведения в целом – невозможно», и отнес роман к тому типу произведений, которые «Миролюбов (редактор «Ежедневного журнала», в котором Шульговский печатался в 1910-е гг. – *М.М.*) [...] поместил бы в специальном разделе своего журнала называемом "Из жизни", где помещались хорошо написанные картинки жизни, но не больше» (рец. от 25.01.1925; в том же году этот роман вышел в «Никитинских субботниках» с развязным, но гораздо более осведомленным предисловием А.В. Луначарского).

В особенности Шульговский не любил и не понимал характерные жанры англо-американской литературы и поэтому неизменно не рекомендовал подобные книги к переводу. Так, он не оценил мастера английского морского жанра Джозефа Конрада, без восторга несколько раз подряд отозвавшись на предлагавшиеся к переводу его произведения как «типичные английские романы приключений» для юношества (рец. от 3.01.1925, на: Joseph Conrad «The Rover». New York, 1923), в которых рецензенту «были интересны лишь художественные детали природы и морской жизни, а самые приключения [...] показались скучноватыми» (рец. от 24.01.1925 на: Joseph Conrad «Lord Jim. A Tale». London, 1923), – в

результате «Время» осталось в стороне от большого успеха Конрада на советском книжном рынке середины 1920-х и только в 1928 году, после положительного отзыва Р.Ф. Куллэ, выпустило один его роман, «Ностромо», с предисловием Куллэ. Шульговский также отверг книгу Амброза Бирса «Истории о солдатах и гражданах», хотя в сопровождавшей ее анонимной (вероятно, В.А. Азова) аннотации Бирс справедливо аттестовался как «гениальный американский писатель [...] Бирс заглядывает в человеческую душу с проницательностью Достоевского и с аналитической силой Эдгара По». Шульговский же решил, что «военные рассказы, да еще из эпохи 60-х годов, [...] для нас [...] просто устарели. Это – военные случаи с отдельными лицами, приключения и индивидуальные переживания. В смысле последних все эти американские рассказы могут быть заменены одним русским, – "4 днями" Всев. Гаршина. А как приключения, то мы их уже столько начитались в рассказах о последней войне, что они нам надоели по горло. Это во первых. А во вторых, даже в военных рассказах Бирса цензура может усмотреть мистицизм. [...] Это типичный прием американских рассказов. Таинственное приключение, чуточка мистицизма, немного психологии. [...]Нельзя сказать, что подобные рассказы не найдут себе любителей, но едва ли они пройдут в цензуре, да и в художественном отношении они ничего выдающегося собою не представляют» (рец. от 26.07.1925 на: Ambrose Bierce «Tales of Soldiers and Civilians». New York, 1891).

Однако, вероятно, органически свойственный Шульговскому вкус к легкой, даже бульварной беллетристике, в сочетании со столь же искренним стремлением утвердить свою (и издательства) «интеллигентность», позволил ему в первые годы сотрудничества со «Временем» соответствовать ключевому критерию отбора книг – наличия легкости и при этом приличной литературности. Так, Шульговский посоветовал перевести «Тудиш» Лефевра Сент-Огана как «образец "belles-lettres" чистейшего вида» (рец. от 28.10.1924); «Маленькую Папаконду» Поля Ребу («Почти наверно можно думать, что этот роман будет иметь успех для легкого чтения. Он написан чрезвычайно легко, изящно, без особых претензий и может быть прочитан "в один присест" [...]. Тема его незначительна и заурядна, но самый рассказ имеет свою прелесть редкой простоты, и притом есть еще одно достоинство – прекрасно выдержанный и живой колорит неаполитанской жизни. [...] Все это верно и образно. По живости рассказа такие романы встречаются не часто. Но это, все-таки, – лишь легкое чтение, в вагоне, между делом и т.д. Роман вполне доступен для нашей современной публики»; рец. от 24.01.1926) и несколько других, успешно выпущенных «Временем».

Однако с 1926 года получение отобранных просвещенным Д.А. Лутохиным изданий прервалось и на рецензию стало попадать много случайных книг, предлагаемых переводчиками: «вообще за последнее время почти не было книг, которые я мог бы рекомендовать всецело, без всяких

сомнений. Большею частью, всё – серенький уровень. Но в таком случае есть опасность остаться совсем без переводов» (рец. Н. Шульговского от 26.01.1927 на: Bernard Barbey «La Maladère». Paris, 1926). В этой ситуации возросла ответственность внутренних рецензентов, от которых издательство вероятно стало требовать более дифференцированных оценок потенциального спроса и цензурности книги. Шульговский старательно повторяет в своих рецензиях эти поставленные перед ним издательством вопросы: «Прежде всего необходимо выяснить, насколько сейчас в публике имеются требования на такого рода романы, [...] а во-вторых, – есть ли надежда на пропуск таких произведений в цензуре» (рец. Н. Шульговского от 3.05.1926 г. на: Octavus Roy Cohen «The Crimson Alibi». New York, 1919), однако оказывается не в состоянии понять и свести все разнородные вкусовые требования и в 1927–29 гг. вырабатывает для своих рецензий – уже немногочисленных – схему, по отдельности оценивая «тип романа» (например: «бытовой, но с психологией», «английский семейно-бытовой серьезный»), «тему», «литературность» (например: «очень изящная, но не выходящая из типичности французского адюльтерного романа»), «идеологию» (варианты: «нет», «обыкновенная», «невинная», «подходящая»), а также «цензурность» и потенциального «читателя» (например: «контингент публики [...]: школьный возраст, богаделенка, очень средние домашние хозяйки»).

Необходимость учитывать одновременно вкус разных категорий малопонятных ему читателей, цензуры и критики постепенно приводит Шульговского к утрате способности дать внятную и ответственную оценку книги – его рецензии превращаются в место разыгрывания бесплодных диалогов между разными инстанциями вкуса. Даже рецензируя легкий юмористический роман, «веселенький пустячок», он погружается в гущу неразрешимых вопросов и вместо ответственного личного решения разыгрывает разные вкусовые мнения: «Могут ли “критики” упрекнуть Издательство за перевод? Могут, конечно, но для добродетельных умов здесь есть отвод: герой романа вначале бездельник, делается после постигших его приключений деловым и работающим человеком [...]. Т.о. в книге есть “мораль”. Может ли книга иметь успех в публике? Безусловно. Для чтения в вагоне и вообще для самого легкого чтения. “Зазорно” ли издавать такую книжку? Скорее – нет. [...] Направление упреков “критики” будет такое: роман – пуст, грубо подогнаны комические положения, среда – светская, следовательно неинтересная и позорная, ничего поучительного нет и т.п. Это все будет преподнесено с упоением, но в таком случае вообще нельзя издавать книг для “легкого чтения”» (рец. от 8.11.1926 на: Frederic S. Isham «Nothing but the Truth»; роман не был переведен). В других рецензиях Шульговский, не решаясь судить сам, предлагает рассчитывать на такое сомнительное событие, как «чудо в цензуре» (рец. от 1.04.1926 на: Jean Richepin «Contes Espagnols». Paris, 1901), а рекомендовав сборник рассказов популярнейшего Клода Фаррера (типично французс-

кие любовные рассказы, «но сорта изящного и тонкого [...]. Вообще книга принадлежит к типу подлинных belle letters»), в конце концов отказывается принимать ответственное личное решение: «P.S. Обдумав еще раз цензурную сторону книги, прихожу к необходимости снять с себя ответственность за уверенность в благополучном исходе. Кто знает?!» (рец. от 21.02.1926 на: Claude Farrère «Bêtes et gens qui s'aimèrent». Paris, 1920).

Вынужденный отказаться от лежавшего в основе его собственной идентификации принципиального противопоставления кудьтурного и массового вкуса и выработать себе представление о возможности компромиссного сочетания в одном произведении определенной степени «лубка» и «интеллигентной» литературности, Шульговский потерял критерий оценки качества книги и начал убеждать сам себя, что «если откинуть чисто художественные требования и бóльшую часть литературных, то можно сказать, что нет **неинтересного** детективно-уголовного романа, включая сюда даже уличных Пинкертонов. Разница существует лишь **в степени** интереса и в проценте лубка» (рец. от 3.05.1926 на: Octavus Roy Cohen «The Crimson Alibi». New York, 1919). С 1927 года становится заметно, что весьма решительно рекомендуемые Шульговским книги издательство чаще не выпускает, и его оттесняют на второй план начавшие активно сотрудничать со «Временем» с 1926 года Р.Ф. Куллэ и В.А. Розеншильд-Паулин.

Впрочем, отзывы последнего представляют многие недостатки Шульговского усугубленными до гротеска. О Владимире Александровиче Розеншильд-Паулине (1872–1941) нам известно мало: «бывший дворянин», образование среднее,[41] знает «французский язык и отчасти польский и немного немецкий», служил в Министерстве финансов, во время войны был призван на военную службу, после революции занимался переводами беллетристики, написал несколько рассказов, опубликованных в журнале «Мир приключений», и две одноактные пьесы, изданные под псевдонимом «Вэр».[42] Таким образом, он был старше других сотрудников издательства (в середине 1920-х ему было уже сильно за пятьдесят) и хуже образован. На довольно приличном все же среднем культурном уровне внутренних рецензий (которые, кроме постоянных авторов, писали Г. Федотов, О. Мандельштам, В. Зоргенфрей, Г. Блок, А. Смирнов, А. Франковский, П. Губер и др.) отзывы В.А. Розеншильд-Паулина выделяются сочетанием крайней эстетической отсталости (он неизменно отмечает, «проводит» ли автор какую-нибудь «идею») с добропорядочной баналь-

41 Возможно, принадлежа к известной военной фамилии Розеншильд-фон-Паулин, он был выпускником Пажеского корпуса (в списке выпускников которого за 1893 г. числится его полный тезка: http://regiment.ru/reg/VI/C/1/3-10.htm).

42 РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 467, л. 54. Умер В.А. Розеншильд-Паулин в первую блокадную зиму, см.: Блокада, 1941–1944, Ленинград: Книга Памяти Т. 25. Л.: Издательский дом «Стелла», 2005, электр. вариант: http://visz.nlr.ru/search/lists/blkd/240_215.html.

ностью суждений, полным отсутствием культурного кругозора и комически дурным стилем. Частью его рецензии выдержаны в безвкусном и необычайно архаичном элегическом тоне: «Вся эта история, – это полная грусти элегия [...]. Точно из шумного современного города попал в деревенскую глушь и едешь тихой проселочной дорогой. Повествование течет как журчащий ручеек. [...]. Краски тусклые, поблеклые, точно глядишь на нежную акварель, или открыл старинную книгу с пожелтевшими листами и засохшими цветами. [...] Я представляю себе эту книгу в особом издании, в красивом переплете, с рисунками [...] в руках просвещенного читателя, но в наш век мировой войны, всевозможных революций, радио, фокс-тротов и джаз-бандов она представляет слишком большой диссонанс с современностью» (рец. от 24.02.1927 на: Гастон Шеро «Дом Патрикия Перье», 1924), частью представляют собой свидетельство искренней любви рецензента к банальной, даже бульварной литературе: так, предлагая издательству в 1929 году перевести роман Андре Кортиса (André Corthis, под этим псевдонимом писала француженка Andrée Magdeleine Husson, 1882–1952) «Преждевременное прощение» («Le pardon premature»; рецензент датирует его 1921 годом, хотя роман впервые вышел в 1914), Розеншильд-Паулин подробно и с упоением, используя все возможные испанские штампы – то, что Шульговский называл «роман испанистый» – излагает его банальнейший сюжет с «пылким испанцем», ревнующим «чисто животной ревностью», и героиней, проявляющей «наследственные черты веками порабощенной испанской женщины» (недат. <1929> рец.; в 1927 году Розеншильд-Паулин и Шульговский сошлись в высокой оценке другого романа Андре Кортиса, «Pour Moi Seule» (1919) (рец., соответственно, от 3 и 13 июня 1927), который «Время» выпустило в 1928 г. в переводе Розеншильд-Паулина под заглавием «Только для меня»).

Третий постоянный автор внутренних рецензий во «Времени» в 1926–29 гг., Роберт Фредерикович Куллэ (1885–1938), выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, был гораздо квалифицированнее двух других, хотя и также принадлежал в 1920-е гг. к категории «неудачников». Его биография и взгляды могут быть подробно реконструированы благодаря его чудом сохранившемуся дневнику 1924–32 гг.,[43] а также десяткам опубликованных им во второй половине 1920-х историко-литературных и критических статей. Куллэ, как и Шульговский и наверняка Розеншильд-Паулин, был в литературном мире Ленинграда фигурой маргинальной: после окончания в 1918 г. историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета он на пять лет уехал в Ташкент, где был одним из создателей

43 *Куллэ Р.Ф.* Мысли и заметки: Дневник 1924–1932 годов / Публ. и вступ. статья И. и В. Куллэ // Новый журнал (Нью-Йорк). 1992. Кн. 184/185, 186, 187, 188, 189, см. также сведения на сайте Сахаровского центра: http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/author004c.html?id=114

Туркестанского университета и возглавлял там кафедру истории западноевропейской литературы; в 1923 г., после того, как историко-филологическое отделение университета было упразднено, Куллэ вернулся с семьей в Петроград и долго не мог найти места – его дневник за 1924–25 гг. полон отчаянных ламентаций по поводу «всеобщего иудейского засилия»,[44] а также невозможности и собственной неспособности, в отличие от других «бывших», устроиться в новых условиях.

В этосе Куллэ 1920-х годов есть ряд черт, сближающих его с главным редактором «Времени» Г.П. Блоком и характерных для определенного среза людей «поколения 1890-х» в ситуации 1920-х: оба, хотя им едва за сорок и они необычайно много работают, ощущают свою преждевременную «старость» – не столько физическую, сколько душевную и прежде всего социальную. В статье к сорокалетию со смерти Надсона Куллэ вероятно с личной проекцией пишет о поэте как «музыкальном выразителе нескольких лет истории русской интеллигенции» эпохи Александра III, воплотившем «всю безнадежность, неясность и все отчаяния пассивных настроений»[45] (ср. в дневнике Куллэ относящуюся к современности запись о «трагедии немоты, на которую обречен целый народ»[46]), разительно совпадая здесь с мемуарами Г.П. Блока, писавшего об эпохе Александра III как определяющем влиянии на его самоидентификацию в современности: «Тихие, молчаливые годы [...]. И нечего говорить, и не умеем сказать, и не хочется, да вероятно не надо. [...] В психологической необходимости психологически необходимой борьбы, не только борьбы – даже хотя бы пассивной враждебности, в этом и заключалась чрезвычайно простая в конце концов суть трагедии».[47] При этом, несмотря на свое решительное неприятие советской власти, Куллэ, как и Г.П. Блок, стремится в 1920-е гг. к профессиональной реализации, хорошо выполняемому труду – и тогда готов был быть «заодно с правопорядком»: «Я люблю работать и ненавижу халтуру».[48]

---

44 Там же. Кн. 184/185. С. 451, запись от 18.05.1924.

45 *Р<оберт> К<уллэ>*. Певец минувших настроений // Вестник знания. 1927. № 3. Стлб. 160–162.

46 *Куллэ*. Мысли и заметки: Дневник 1924–1932 годов. Кн. 187. С. 246, запись от 3.11.1928.

47 *Блок Г.П.* Из петербургских воспоминаний [1922] / Публ. Е.М. Гельперина // Тыняновский сборник. Вторые Тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1986. С. 158, 160.

48 *Куллэ*. Мысли и заметки: Дневник 1924–1932 годов. Кн. 188. С. 341, запись от 11.07.1931. О «любви к Чехову» как одной из определяющих черт людей 1890-х гг. рождения в ситуации советских 1920-х см.: *Чудакова*. Избранные работы. Т. 1. С. 367–375; то же соединение постоянных «чеховских» жалоб на депрессию, отчаяние, безнадежность с поразительно эффективной, одновременно оборотистой и культурно значимой, работой можно найти в дневнике другого ленинградского издательского деятеля этого поколения и периода, директора «Academia» А.А. Кроленко (1889–1970), см.: ОР РНБ, ф. 1120.

Куллэ сотрудничал во «Времени» с 1926 года, тогда же ему удалось наконец найти достаточно историко-литературной, хотя и поденной журнальной, работы – в основном обзоры иностранных и отечественных литературных новинок и тенденций, переводы, а также юбилейные статьи на всевозможные литературные темы. В отличие от Шульговского и Розеншильд-Паулина, Куллэ был способен как к историко-литературной контекстуализации предлагаемых к переводу книг, в том числе и самых новых, поскольку, судя по его статьям в периодике, имел какой-то доступ к свежим европейским журналам, так и к более трезвой и дифференцированной оценке возможной рецепции, хотя и разделял крайний пессимизм Шульговского относительно вкуса нового читателя. Так, Куллэ отсоветовал переводить «Росхальде» Германа Гессе, «психологический роман школы экспрессионистов», до которого «наш читатель едва ли дорос. По крайней мере, я сомневаюсь, чтоб он нашел большой спрос у современного нашего читателя, капризного в чтении, как и неустойчивого в своих жизненных позициях» (аннон. (авторство Куллэ определено по почерку) и недат. рец. на: Herman Hesse «Rofshalde»), французский роман Анри Деберли (Henri Deberly) «Пытка Федры» («Le supplice de Phèdre», 1926), только что получивший Гонкуровскую премию, поскольку тонкие разборы чувств женщины, влюбленной в своего пасынка, не лишенные занимательности для французского читателя, нашему читателю «абсолютно не нужны, не интересны и не находят отклика в нашем быту. Наш читатель теперь так деградировал, что все, что выше бытового и приключенческого романа, ему недоступно» (рец. от 24.02.1927; в русском переводе роман вышел в 1927 г. в издательстве «Круг»); относительно итальянских путевых впечатлений Риккардо Бальзамо Кривелли Куллэ заметил, что это книга «хорошая, культурная, даже нужная, но... не нашему читателю. [...] Я ее охотно имел бы в своей библиотеке, но даже современному нашему писателю – любому от Маяковского до Казакова – не дал бы читать: не поймет. [...] Переводить ее, к сожалению, не придется: нет читателя на нее...» (рец. от 13.10.1927 на: Riccardo Balsamo Crivelli «Cammina... Cammina...»).

С другой стороны, Куллэ дал «Времени» удачные советы перевести модные кинематографические романы – Жана Дро («Это, конечно, слегка бульварно, но проистекает из самой установки на кино. Роман вполне можно назвать “кинороман” [...]. Это легкое, веселое, забавное чтение, на котором просто можно отдохнуть. Вполне цензурно»: рец. от 17.11.1927 на: Jean Drault «Galupin touriste». Paris, 1927; издан во «Времени» как: Дро Жан «Похождения Галюпена». Пер. с фр. Г.И. Гордона, [1928]) и «Знак Зорро» Мак Кэллея, американская экранизация которого 1919 года как раз вышла на советские экраны (рец. от 28.04.1926 на: Johnston Mc Culley «The Mark of Zorro»; русский перевод А.Б. Розенбаума под ред. Н.Н. Шульговского вышел во «Времени» в том же 1926 году).

Куллэ принадлежит описание того «нормального», компромиссного типа книги и ее автора, который мог удовлетворить требованиям со-

ветского книжного рынка в 1926–28 гг. – более тонкое, чем сложившийся в сознании Шульговского механический компромисс между массовым, интеллигентным и цензурным вкусом. Наиболее отчетливо эти требования к предлагаемой к переводу иностранной книге Куллэ сформулировал в рецензиях на два схожих произведения – автобиографические романы авторов, ни один из которых так и не стал настоящим писателем. Это популярный в советской России в 1920-е немец Альберт Даудистель (Albert Daudistel, 1890–1955), известный советскому читателю по автобиографическому роману из эпохи войны и революции «Жертва», и французская писательница из социальных низов Маргарита Оду (Marguerite Audoux, 1863–1937), славу которой принес ее первый автобиографический роман «Мари Клэр», вышедший в 1910 г. во Франции с предисловием Октава Мирбо и уже в 1911 г. опубликованный в России не менее чем в десятке разных переводов. Рецензируя их новые предложенные «Времени» произведения (рец. от 21.01.1927 на: Albert Daudistel «Wegen Trauer geschlossen» (1926); переведен «Временем» как: Даудистель Альберт «Закрыто по случаю траура». Пер. с нем. М. Венус. Под ред. В.А. Зоргенфрея. 1927; от 18.02.1927 на: Marguerite Audoux «De la ville au Moulin»; вышел во «Времени» под заглавием «Хромоножка» в переводе под ред. и с пред. Р.Ф. Куллэ в 1927), Куллэ выделяет следующие ключевые основания для принятия произведения к изданию: автор уже известен отечественному читателю, а его произведение идеологически приемлемо как по содержанию, так и благодаря социальному происхождению автора (Даудистель, по оценке Куллэ, «идеологически [...] вполне приемлем, т.к. принадлежит к передовому слою социалистической интеллигенции Германии», Оду происходит из социальных низов), о чем можно судить по их первым – как свойственно непрофессиональным писателям, автобиографическим – произведениям. Кроме того, произведение автора, не являющегося в полном смысле писателем, относится «к типу средней литературы» (рец. Куллэ на роман Оду), «не блещет достоинствами больших литературных достижений» (рец. Куллэ на Даудистеля) – и именно поэтому импонирует среднему читателю как своей формальной простотой, так и нехитрым строем чувств и понятным личным опытом автора (роман Оду «будит чувства сострадания и сопереживаний»; роман Даудистеля «является типичным уголовным романом, украшенным некоторым социальным орнаментом и не без выразительных обличений тюремных порядков») и составляет «занимательное чтение для не слишком требовательного, среднего читателя, вернее читательницы» (рец. Куллэ на Оду), «вполне отвечает интересам и уровню нашего среднего читателя. Я бы сказал, что это тот самый тип романа, который максимально отвечает требованиям, не раз высказывавшимся, как нормальные пожелания для подлежащего переводу произведения. Все ленинградские издательства, конечно, согласятся его перевести» (рец. Куллэ на Даудистеля).

Куллэ также определил для «Времени» нижний допустимый предел в отборе популярной тиражной беллетристики, отвечающей вкусам среднего читателя – это женские любовные романы английской писательницы Оливии Уэдсли (Wadsley Olive, 1859–1959), которые, при своей явной литературной второсортности, имели огромный успех.[49] В своих «Этюдах о современной западно-европейской и американской литературе» Куллэ уделил отдельный пассаж «Пламени» Уэдсли как показателю низкого вкуса современного читателя (равно «буржуазного» и советского): «Мораль не слишком глубокая, волна эмоций не слишком высокая, но вполне отвечающая запросам ищущего "тихой пристани" – благополучной развязки без потрясения "основ" – читателя... Поразительный успех, сопровождавший эту книгу, как, впрочем, и большинство пошлых романов Уэдсли, свидетельствует весьма недвусмысленно о [...] "культурном" уровне общества [...]. К сожалению, и в переводе она нашла своих восторженных читателей».[50] Во внутренних рецензиях для «Времени» Куллэ использовал имя Уэдсли в нарицательном смысле – как, например, в желчном отклике на очередной женский роман из жизни евреев в Америке: «Более пошлого, более бездарного романа мне никогда не приходилось читать. В нем широко развернута психология мелкого мещанства, местечковых интересов, он тенденциозен, совершенно чужд художественности и богат клеветой. [...] По моему переводить эту дребедень не стоит, но помня Уэдсли, Езерскую[51] и проч. не исключаю возможности появления этой книги на рынке. Желательно – не в изд. "Время"» (недат. рец. на: Ferber Edna «Fanny Herself», 1917), другой английский женский роман, Уорвик Дипинг, «не сложен и не глубок, но читается легко. Если возвести Уэдсли в первую степень, то получится Дипинг. [...] Роман простой, не слишком умный и буржуазно добродетельный в стиле английской мещанской морали. Читателей и особенно читательниц он поэтому будет иметь очень много, ибо он значительно лучше Уэдсли. Но это не первосортное произ-

49 «Пламя» О. Уэдсли (пер. с англ. А. и Л. Картужанских) в 1926–28 году «Время» переиздавало шесть раз; «Миндаль цветет» (пер. с англ. Д.А. Теренина под ред. Д.М. Горфинкеля, 1927) к 1928 году допечатывали пять раз. Первоначально Ленгублит безоговорочно запретил «Времени» издавать «Пламя» (ЦГАЛИ СПб., ф. 31, оп. 2. Ед. хр. 40, л. 72) – возможно, тот факт, что, несмотря на цензурный запрет, роман все же вышел в свет, объясняет запись в дневнике Р. Куллэ: «Из весьма достоверного источника, сами издатели, мне сообщили, что он платят... взятки цензорам. Иначе не пройдет ни одна рукопись. [...] В самые глухие времена царствования Николая Палкина цензура взяток не брала» (*Куллэ*. Мысли и заметки: Дневник 1924–1932 годов. Кн. 186. С. 222, запись от 4.09.1926).

50 *Куллэ*. Этюды. С. 129.

51 Имеются в виду выпущенные «Временем» в переводе Марка Волосова романы еврейской американской писательницы Андзи Езерской (Andzia Jezierska, 1885–1970) о жизни еврейской среды Нью-Йорка (в последние годы вновь востребованные феминистской критикой) «Гнет поколений» (1926) и «Саломея с задворков» (1927).

ведение. Сезонный роман. Он цензурен и очень легко написан. Для тиража стоит перевести» (рец. от 13.11.1927 на: Warwick Deeping «Kitty»).

Постепенно однако необходимость принимать компромиссные решения, ощущение оторванности от по-настоящему значительных событий современной литературы и, главное, невозможность выносить условия советской жизни, которые Куллэ фиксирует в дневнике с поразительной осведомленностью и ясностью суждений, делают его внутренние рецензии крайне озлобленными и для издательства в сущности бесполезными: «... редко можно встретить даже в океане современной халтурной литературы более банальное, бледное, никчемное и нехудожественное произведение, чем этот роман, доводящий до гротеска, нарочитого уродства обычно не слишком яркую манеру английских писательниц. [...] Не переводить эту книгу надо, а предъявить иск сочинительнице и издательству “George Doran Company” в Нью-Йорке за нанесение увечий читателю» (рец. от 14.01.1927 на: Jane England «Red Earth»); «Следовало бы поставить два электрических стула, без всякой жалости посадить на один автора, на другой издателя и убить, а читателю за отвагу выдать миллион долларов, если он не умрет от тоски до конца чтения» (рец. от 4.01.1928 на: Pauline Smith «The Beadle»).[52]

52 Последние сохранившиеся в архиве «Времени» отклики Куллэ датированы началом 1928 года. С 1929 года его социальное положение, судя по дневниковым записям, стало катастрофическим: он потерял работу во «Времени» и в ленинградской вечерней «Красной газете»; проиграл судебную тяжбу с ЗИФом и утратил возможность получать заказы в этом могущественном издательстве; подвергался травле за свой сборник «Этюды о современной западно-европейской и американской литературе». Куллэ пытался, как иностранный подданный, добиться разрешения уехать за границу, однако получив, после мучительных проволочек, отказ, был вынужден «устраиваться “по-советски”: искать какую-нибудь службишку, издергивать нервы по ниточкам на советских “дыбах” и постепенно распродавать последнее барахлишко, ибо жить становится совершенно невозможно» (*Куллэ*. Мысли и заметки: Дневник 1924–1932 годов. Кн. 189. С. 288, запись от 30.06.1932), и попытался сформулировать для себя новый, вынужденный способ социального существования в советских условиях: «Не лучше ли смириться, принять отвратительное, как должное, подыскать себе скромное и незаметное место, отбывать на нем часы, но зато остальное время быть со своими, замкнуться дома и в себе, ни о каких выступлениях в печати не думать и забаррикадироваться от мира, отсиживаться незаметно до лучших времен, не ища катастроф и не рискуя ставить на карту все?» (Там же. С. 289), который однако оказался для него равносильным уже не только социальной и духовной, от «недостатка воздуха», смерти, но и самой буквальной, от голода: «Не знаю, как другие, но я себя чувствую, как в тюрьме. И с каждым днем это угнетающее впечатление заключения в гнусном узилище нарастает и усиливается. [...] Скудный голодный паек поддерживает ровно настолько, чтобы не умереть с голоду, но оттого, что он скуден и так горько невкусен, есть хочется постоянно. [...] Силы падают. [...] Верный путь в могилу» (Там же. С. 292–293), неизбежность которой для себя он стал понимать как следствие сознательной государственной политики в отношении его поколения: «Для меня несомненно, что в систему “соцстроительства” [...] входит расчет на вы-

К 1928–29 году частно-кооперативные издательства почти перестали выпускать переводную беллетристику, для чего были внешние причины – прежде всего, взятый Главлитом курс на ликвидацию частно-кооперативного книгоиздания путем экономического зажима и политики «типизации», который к 1928 году был, как сообщал Ленгублит в Губком РКП (б), «окончательно разрешен [...]. Официально эти издательства продолжают существовать, фактически они ликвидированы, т.к. постановлением Главлита они сняты с планового снабжения бумагой. Их издания печатаются на бумаге, купленной на черном рынке, т.е. все частные издательства находятся в крепком зажиме».[53] Прежде всего, частно-кооперативным издательствам чинили препятствия в выпуске наиболее прибыльной переводной беллетристики: проанализировав производственные планы частных издательств на первое полугодие 1928 года, Коллегия Ленинградского Областлита отметила, что объем беллетристики увеличился на 100 процентов, причем увеличение это «идет преимущественно за счет переводной беллетристики», и зафиксировала «сильный рост отдельных, наиболее мощных издательств», выпускавших переводную литературу: издательство «Мысль» планировало увеличить свою продукцию по сравнению с прошлым годом на 52 %, «Время» – на 100%. Чтобы ограничить этот рост, Ленинградский Гублит сократил планы издательств: «Времени» заявку из 133 названий сократили вполовину (в качестве оснований были названы совпадение с издательской программой ГИЗа и Постановление коллегии Облита о сокращении Отдела переводной беллетристики).[54] Тогда же властью были подготовлены документы о закрытии пяти из семи ленинградских авторских товариществ, в том числе и «Времени», в марте 1928 г. это решение было утверждено Коллегией Наркомпроса и Отделом печати ЦК ВКП (б) и передано на рассмотрение в высшие инстанции. Вместе с тем, Главлит рекомендовал до особого распоряжения не доводить его до сведения самих издательств и в то же время принимать от них минимальное количество рукописей.[55] В 1927 во «Времени» вышло 48 переводных книг, в 1928 году – 31 (не считая первых томов собрания со-

---

мирание старшего поколения, видавшего лучшую жизнь и не могущего примириться с устроенным убожеством. Для меня ясно, что в *систему опричнины и диктатуры включена смерть*, как один из важнейших факторов расчета. При поддержке молодых оболваненных попугаев трудно продержаться» (Там же. С. 296, курсив Куллэ). В январе 1934 года Куллэ был арестован по делу «контрреволюционной национал-фашистской» «Российской национальной партии» (так называемое «Дело славистов»), приговорен к 10 годам лагерей и в 1938 году расстрелян.

53 ЦГАЛИ СПб., ф. 281, оп. 1, д. 45, л. 32, цит. по: *Блюм А.В.* За кулисами «Министерства правды»: Тайная история советской цензуры 1917–1929. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1994. С. 139.

54 ЦГАЛИ СПб, ф. 31, оп. 2, Ед. хр. 57, л. 32–33.

55 *Свиченская М.К.* Кооперативное книгоиздание 1917–1930 гг.: Основные этапы государственной политики // Книга: Исследования и материалы. 1996. Сб. 72. С. 123–124.

чинений С. Цвейга), в основном из ранее отобранных, в 1929 – только три, а в 1930 – две. В результате давления, сопровождавшегося арестами руководителей издательств – краткими, но устрашающими, которые вынуждали их к закрытию или поступлению под эгиду государства (в январе 1928 года арестовали Л.В. Вольфсона, директора и фактического владельца «Мысли», переориентировавшейся после этого с переводной беллетристики на книги по сельскому хозяйству, летом 1929 – А.А. Кроленко из «Academia», за чем последовало его увольнение и перевод издательства в Москву под эгиду ОГИЗа, в конце 1929 – главу «Начатков знаний» И.Р. Белопольского, после освобождения закрывшего свое издательство; до директора и создателя «Времени» И.В. Вольфсона очередь дошла весной 1930 года, однако предъявленные ему обвинения носили не только экономический, но и более серьезный политический характер – он получил более длительный срок и освободился только в 1935 году), большая часть частно-кооперативных издательств перестала существовать. «Времени», ценой компромиссов с властью[56] и новых изобретательных ходов в издательской стратегии, удалось дотянуть до 1934 года, однако от издания массовой переводной беллетристики оно к 1929–30 г. совершенно отказалось и нашло для себя новые диспозиции (в сущности, постепенно встроившись в систему государственной политики в области переводной литературы): сначала, с 1928 г., многотомные авторизованные собрания сочинений «друзей Советского Союза» С. Цвейга и Р. Роллана, позже, с начала 1930-х, книги прогрессивных современных французских и немецких писателей, иностранная литература социально-революционной тематики и классика в новых переводах.

Материал внутренних рецензий позволяет увидеть этот процесс отказа частно-кооперативных издательств от независимого существования и, как минимум, от выпуска современной переводной беллетристики, в новой перспективе – изнутри. Он показывает, что в середине 1920-х гг. отбор, перевод и редактирование массовой беллетристики, в значительной степени определявшей ландшафт советского книжного поля, зависели от людей дореволюционного происхождения, которые добывали книги для перевода, давали на них отзывы, переводили. К 1929–30 гг. тот уровень

56 В 1931–32 гг. «Время», сохранив формально свой кооперативный статус и основной круг сотрудников, изменило систему руководства, куда были введены новый (вместо находившегося в заключении И.В. Вольфсона) директор Н.А. Энгель, член партии (до этого все пайщики «Времени» были беспартийными), непосредственно перед переходом во «Время» заведовавший ленинградским Областлитом; его заместитель Я.Г. Раскин, также член ВКП(б), ответственный работник Промкооперации, в состав которой «Время» входило как кооперативная организация; был создан редсовет, возглавить который согласился А.В. Луначарский. Г.П. Блок, главный редактор и один из основателей издательства, был переведен на техническую должность зав. производством (а с 1933 – помощника зав. производством), хотя и продолжал, судя по сохранившейся в архиве переписке, организовывать всю деятельность издательства.

понимания требований советского культурного поля, которого с таким трудом достигли люди поколения и круга Шульговского, Куллэ или Розеншильд-Паулина, и та степень компромисса с массовым и цензурным вкусом, которую они освоили, стала недостаточной и неадекватной новым обстоятельствам. Это заметно по тому, что к 1928–29 г. издательство практически перестало издавать книги, которые с воодушевлением рекомендовал Шульговский, ориентируясь на те компромиссные критерии, которые он выработал себе в 1926–27 гг. – приемлемую («изящную», по его выражению) литературность, «невинную» цензурность и вероятный коммерческий успех, в духе Оливии Уэдсли, у массового читателя, с одновременной возможностью потрафить читателю более «интеллигентному» – несмотря на то, что еще несколько лет назад «Время» успешно переводило произведения этих же авторов.

В новых условиях для точного отбора книг требовалась большие личные ресурсы адаптации к новой реальности. В истории «Времени» эта смена требований к сотрудникам, определявшим текущую издательскую политику в области перевода, была проявлена уходом со сцены Шульговского, Куллэ и Розеншильд-Паулина и повышением Вильгельма Александровича Зоргенфрея (1882–1938). Несмотря на то, что по возрасту он также принадлежал к поколению людей, культурно сформировавшихся в 1910-е годы, и даже ближе остальных был связан с Серебряным веком, в советское время он пережил необычайно стремительную внутреннюю эволюцию (отчасти напоминающую историю Сергея Ауслендера (1886–1937), в 1920-е полностью разорвавшего связи с эпохой модернизма, из которой он происходил, и ставшего автором советских приключенческих повестей для детей и юношества): Зоргенфрей, до революции поэт позднего символистского толка, в 1920–30 гг. стал успешным переводчиком и редактором переводов.

Зоргенфрей начал свое сотрудничество со «Временем» с кладбищенской, прощальной лирики сборника «Страстная суббота», выпущенного в 1922 году со знаковым посвящением «благословенной памяти Александра Блока», устанавливающим культурный исток автора стихов, и подчеркнуто анахроничным указанием места издания «Петербург»; тогда же при личном знакомстве Зоргенфрей дал Г.П. Блоку основание написать о нем Б.А. Садовскому: «он наш»,[57] – что предполагало шибболеты их духовной общности – антисемитские и антилиберальные взгляды, характерные для определенного круга людей Серебряного века. Во второй половине 1920-х гг. Зоргенфрей, вошедший в число пайщиков издательского кооператива, в своих внутренних рецензиях дал «Времени» несколько удачных советов по отбору книг, проявив необычайно быстро приобретенное им умение находить компромисс между адекватной оценкой, с одной сторо-

57 Письмо Г.П. Блока Б.А. Садовскому, 8 февраля 1922 г. // Письма Г.П. Блока к Б.А. Садовскому / Публ. и прим. С. Шумихина: http://nasledie-rus.ru/red_port

ны, культурного качества книги и ее места в современной европейской литературе, и, с другой, трезвым пониманием вкуса нового массового читателя и требований цензуры. И, наконец, к началу 1930-х он совершенно интериоризировал социологический взгляд на литературу и отсоветовал, например, переводить роман Э.-М. Ремарка «Возвращение» («Der Weg zurück», 1931), поскольку книга «не принадлежит к числу разрешающих идеологические проблемы войны и гражданского строительства. Мысль читателя, по прочтении, может пойти по разным путям и может зайти в тупик» (рец. от 27.12.1931), а роман Эриха Кестнера «Фабиан: История одного моралиста» (1931) – потому, что автор «воспринимает только узко-индивидуальное, вне социального фона» (рец. от 5.04.1933). Зоргенфрей, как известно, был арестован и расстрелян в 1938 году,[58] однако непосредственно перед этим, в середине 1930-х, он был лучше большинства своих сверстников встроен в советское культурное поле и, в частности, после закрытия «Времени» в 1934 году именно Зоргенфрей продолжал издавать, уже в государственных издательствах (в качестве переводчика, редактора, составителя), многие подготовленные еще в недрах «Времени» книги.[59]

Судя по внутренним рецензиям 1929 года, к концу НЭПа решительно изменились не только требования к отбору книг и соответственно к авторам внутренних рецензий, но и к их переводу. Если в середине 1920-х гг. Шульговский, Куллэ, Розеншильд-Паулин практически игнорировали проблему перевода, который прежде всего необходимо было выполнить быстро, дабы опередить другие издательства, то в 1929 году В.А. Зоргенфрей, Г.П. Блок, П.К. Губер несколько раз принимали решение отказаться от интересных книжных новинок из-за опасений не справиться с трудностями перевода: В. Зоргенфрей высоко оценил «Берлин Александрплац» Альфреда Дёблина, однако предупредил, что «Перевод потребует работы высшей квалификации. Имеются трудности почти непреодолимые – диалект берлинских низов, воровской жаргон, бесчисленные цитаты в стихах – литературные, из бытового песенного обихода и пр. – цитаты, иногда сознательно перевираемые и варьируемые автором. Кое-где проза самого автора переходит в рифмованную. Необходимо будет дать везде материал художественно адекватный, ибо, в сущности, на этом, внешне побочном словесном интересе и основана вся художественная ценность романа. Без него он может превратиться в мало интересную – почти скучную – книгу» (рец. от 25.10.1929; роман вышел в 1935 году в Госиздате переводе Г.А. Зуккау); Г.П. Блок, взвешенно оценив роман «Братья-враги» («Les frères enemis») Жерома и Жана Таро, которых «Время» уже издавало («В будущем году в Иерусалиме!», пер. с фр. И.Б. Мандельштама, 1924), отметил, что «перевод более чем труден. Трудно с одной стороны

58 См.: *Шнейдерман Эдуард*. Бенедикт Лившиц: арест, следствие, расстрел // Звезда. 1996. № 1.

59 Подробнее см.: *Маликова*. Шум времени. С. 182–184.

передать старо-французский стиль и ритм подлинника, а с другой стороны необходимо самое тесное знакомство с богословской терминологией» (рец. от 29.05.1929; роман не был переведен); П.К. Губер, рецензируя «Степного волка» Германа Гессе, специально отметил проблему поиска переводчика: «Книга написана простым и ясным языком, но в ней множество моментов исторических, литературных и философских, которые может понять и надлежащим образом передать только вполне культурный и образованный переводчик. По силам ли это будет почтеннейшему Григорию Израилевичу (вероятно, сотрудничавшему со «Временем» в качестве переводчика Г.И. Гордону, по профессии врачу – *М.М.*) <?>» (недат. рец.).

Заключение

Сохранившиеся в архиве издательства «Время» внутренние рецензии 1925–1928 гг. позволяют дифференцированно описать один – нэповский – этап истории издания в советской России переводной литературы как подвижное взаимодействие множества гетерогенных сил – личного вкуса тех людей с дореволюционным культурным габитусом, которые обеспечивали функционирование издательского процесса 1920-х, и созданных ими форм самоорганизации, как частно-кооперативные книгоиздательства; влияния актуальных тем послевоенной европейской культуры, контакт с которой в этот период еще не был отрезан «железным занавесом», прежде всего благодаря связям с соотечественниками-эмигрантами; формировавшейся государственной культурной политики, переменчивой и часто непоследовательной; запросов нового массового советского читателя. Архив издательства «Время» позволяет также дифференцированно и в социо-антропологической перспективе описать следующий этап истории советской переводной литературы (до 1934 года, ее окончательной централизации), не фиксируясь для этого ни на влиянии крупных литературных фигур, ни на представлении о «прогрессивной» эволюции издательской политики, ни на политико-экономических «больших» категориях, вроде «великого перелома» 1929 года, однако это тема для другой работы.